

ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ

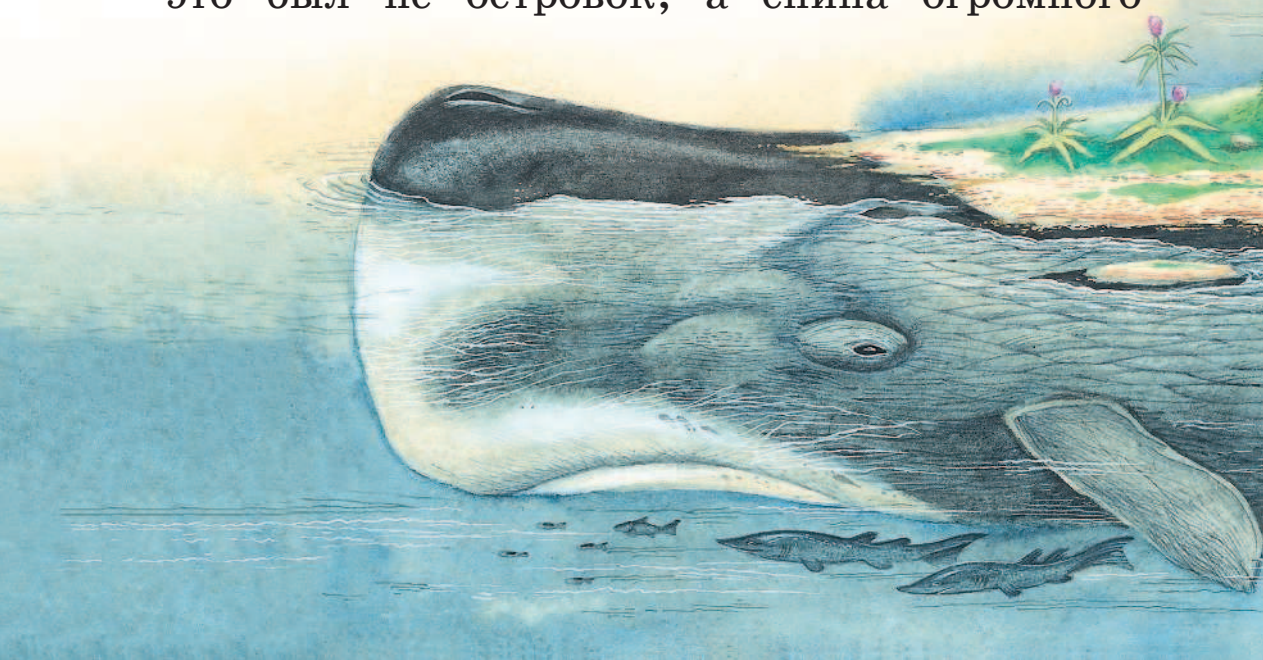
— **М**олодость моя прошла беспорядочно и бурно. Значительное состояние, доставшееся мне от родителей, я почти полностью истратил на забавы, но, к счастью, образумился, не дойдя до полного разорения; я понял, что бездумно растрачиваю не только деньги, но и драгоценное время; мне стало ясно, что если я теперь не изменю свою жизнь, то в будущем меня ожидает нищета.

И тогда я собрал последние крохи своего растраченного состояния, обратил их в наличный капитал и по совету нескольких известных и опытных купцов отправился в Балсору, где вскоре пристроился к одной заграничной торговой компании и сел на корабль, внося свой пай.

Подняв паруса, мы направились к Восточной Индии. Сначала меня мучила морская болезнь, но это продолжалось недолго; дня через три я привык к качке. Однажды вблизи какого-то маленького островка, похожего на роскошный бархатистый луг, нас захватил штиль. Многие захотели сойти на берег, в том числе и я; мы устроили на острове весёлый пир, с удовольствием отдыхая от утомительного пути. И вдруг остров заколебался, и мы почувствовали сильный толчок.

Это колебание одновременно заметили с корабля, и нам закричали, чтобы мы немедленно спасались. Оказалось, что это был не островок, а спина огромного

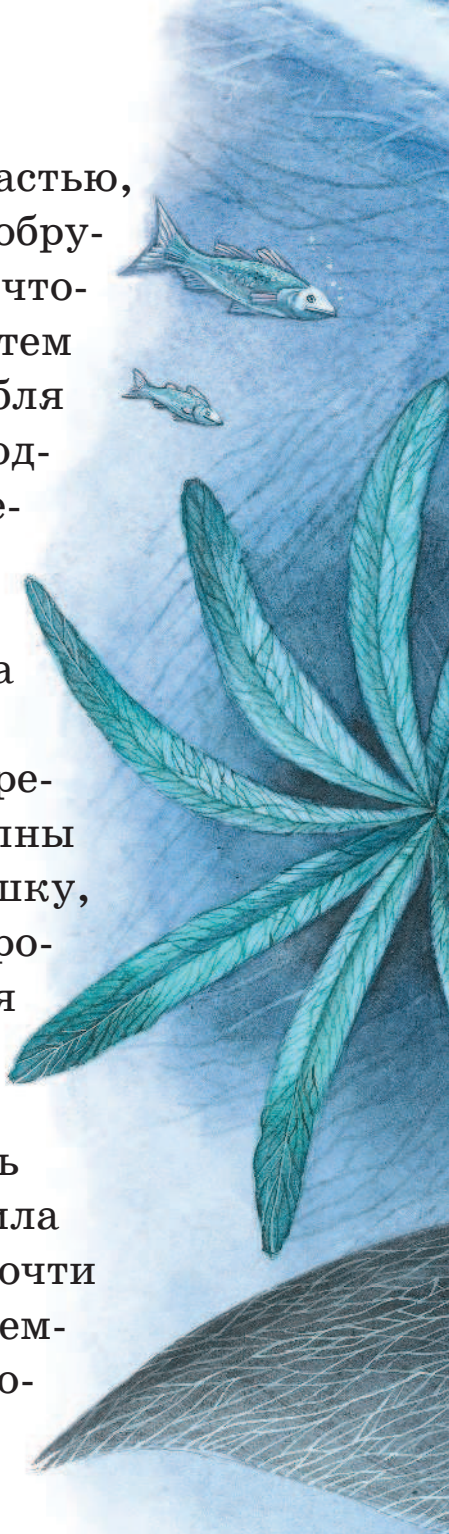

кита. Более проворные из нас успели вскочить в шлюпку, другие спасались вплавь, а я, замешкавшись, остался на мнимом острове до тех пор, пока кит не

погрузился в море. К счастью, я успел схватиться за обрубок дерева, принесённый, чтобы развести огонь. Между тем все, кто добирался до корабля в шлюпках или вплавь, поднялись на борт, и тут внезапно подул сильный ветер. Капитан, воспользовавшись этим, велел поднять паруса и тронулся в путь.

Так я остался один среди необъятного моря, и волны бросали меня, словно игрушку, то в ту, то в другую сторону. Но я отчаянно боролся за свою жизнь. Весь день и всю ночь не прекращалась эта борьба, и лишь к рассвету волна прибила меня к острову. Тут я почти без чувств повалился на землю и так пролежал до самого рассвета.

С восходом солнца я, преодолевая слабость, поплёлся на поиски чего-нибудь съедобного, чтобы утолить голод. Мне попадались и корни, и травы, пригодные в пищу, а вскоре я нашёл и источник превосходной воды. Это настолько прибавило мне сил, что я окончательно пришёл в себя и наугад отправился в глубь острова. Передо мной раскинулась широкая равнина с роскошными пастбищами, и вскоре я заметил вдали пасущуюся лошадь. Сердце у меня забилось от радости и надежды на близкую помощь. Я осторожно приблизился к лошади и увидел, что это кобылица замечательной красоты, привязанная к колышку. Пока я рассматривал её, из какого-то подземелья донёсся человеческий голос, а через минуту появился и сам человек.

Заметив меня, он подошёл и спросил, кто я и какими судьбами очутился здесь; когда я рассказал ему о своём приключении, он взял меня за руку и повёл

в подземелье. Там было ещё несколько человек; сначала они тоже удивились моему появлению, потом, узнав о моём несчастье, дружелюбно приняли меня и накормили.

С жадностью утолив голод, я, в свою очередь, спросил их, что они делают в таком пустынном и диком месте. Они ответили, что их послал сюда царь Мирадж, владелец этого острова, что они его конюхи и каждый год приводят сюда лучших кобылиц из царских конюшен для того, чтобы отпускать их с морским конём, выходящим из воды. Так они выводят особую породу быстрых лошадей, которые называются у них морскими.

— Завтра мы отправляемся обратно, — добавили они, — и тебе повезло, что ты застал нас здесь, а то ты не выбрался бы отсюда.

На следующее утро конюхи забрали своих кобылиц и отправились в обратный путь; я пошёл вместе с ними, а когда мы прибыли в столицу острова, они

доложили обо мне своему повелителю. Царь Мирадж призвал меня, осведомился, кто я и как попал в его владения, и я поведал ему обо всех своих приключениях. Тогда царь предложил мне стать его гостем и приказал своим людям доставлять мне всё необходимое. Приказание было исполнено, и я до сих пор с благодарностью вспоминаю об этом великодушном государе.

Между тем я познакомился и с местными купцами, и с иностранными; я надеялся получить от них какое-нибудь известие из Багдада или найти случай вернуться на родину. В то же время я с интересом изучал нравы, обычаи и законы, царившие на этом острове. К числу владений царя Мираджа принадлежит и остров Кассэль; меня уверяли, что на нём каждую ночь слышится звон литавр, отчего среди моряков распространилось поверье, будто там обитает злой дух.

Все эти фантастические рассказы так заинтересовали меня, что я решился

проверить их и сам поехал на чудесный остров. Однако там ничего особенного не оказалось, только на пути мне довелось видеть диковинных рыб величиной от ста до двухсот локтей. Рыбы эти,

впрочем, страшны только с виду, на самом же деле они оказались очень трусливыми и прятались при малейшем шуме; попались мне и другие, невиданные прежде: рыбы небольшие, не длиннее локтя,

круглые, как шар, и с головой, как у филина.

Однажды вскоре после моего возвращения я прогуливался по набережной; в это время в гавань вошёл торговый корабль и бросил якорь. Тотчас же на нём началась выгрузка — все засуетились, купцы бегали и распоряжались перевозкой своих товаров на берег; я подошёл поближе и стал машинально просматривать надписи на тюках, обозначавшие имена их хозяев. Вдруг я увидел такое, что едва не вскрикнул от изумления. Сначала я даже не поверил своим глазам, думая, что ошибся, но нет: на огромном тюке, несомненно, стояло моё имя. Вскоре я узнал и капитана того самого корабля, на котором отплыл из Балсоры. Я с напускным спокойствием спросил:

— Кому принадлежат эти тюки?

— Одному багдадскому купцу, погибшему во время плавания, — ответил капитан. — Странная вышла у нас история, — продолжал он. — Мы попали

в мёртвый штиль неподалёку от небольшого островка, оказавшегося на самом деле громадным китом. Некоторые из моих пассажиров вздумали сойти на берег, с ними и бедный Синдбад — так звали этого купца; они устроили там пирушку и развели огонь; вероятно, почувствовав жар, кит встрепенулся и нырнул в море; некоторые люди, бывшие на нём, спаслись, кто в шлюпке, кто вплавь, но многие всё-таки утонули. Среди них погиб и Синдбад. Жаль беднягу — славный был человек! Я долго возил его товары, но теперь решил, что лучше продавать их, а вырученные деньги, когда представится случай, передать его родным.

Тут я не вытерпел и сказал капитану, что Синдбад не умер, а жив и здоров и имеет честь разговаривать с ним, и товары в этих тюках принадлежат мне, так как я тот самый Синдбад, которого все считают погибшим.

Капитан посмотрел на меня и сказал: